

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

матии) он собственно был первый собиратель произведений устного творчества; в сборнике «Кырк бакча» (1881 г.), особенно же в «Фавакихуль-джуляса» (1884 г.) — огромном переводном сборнике — он привел также значительный татарский материал (песни, пословицы, загадки). Он, видимо, полагал, что это — самое подходящее чтение, поэтому переводил с османского, напр., «Кабус-намэ», «Сорок визирей» (ведя по нему обучение уже в 70-х годах — в радловской школе).

Словом, Насыров был националист и, конечно, противник обрусительной политики. Ему дороги были татары; дорог был и татарский язык; на просвещение народа он отдал жизнь, он направлял усилия и на создание литературы (национальной) и языка (национального), подыскивая, напр., слова естественно-исторические; он освободил язык и от чагатайских архаизмов, и от «диктатуры арабщины» (выражение Г. Ибрагимова). Были, однако, у него и странности (отрицательное отношение к новометодным школам). Несмотря на заботы о народе, народ смотрел на него всетаки подозрительно, как на развратителя, безбожника, предавшего миссионерам. Но Насыров упорно шел по пути, раз им намеренному, и добился, по смерти, того, что татарский язык, как говорит Г. Ибрагимов, не только нашел художественное воплощение в современной литературе, но и изучается в университете Татарской Республики.

Вл. Гордлевский

— *Проф. Н. В. Кюнер.* Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры, читанные на 2-м курсе Восточного Института, ныне Восточного Факультета Государственного Дальневосточного Университета, в 1918—1919 году (Введение в Общую историю народов Центральной и Восточной Азии с древнейших времен до начала сношений их с новыми европейскими народами). — С тремя таблицами рисунков и двумя картами. Стр. 120. 4^о. Издание Н. В. Репина. Владивосток. Типография Государственного Дальневосточного Университета. 1921. Цена 2 руб. 50 коп. золотом. (По старой орфографии.)

«Практическое» преподавание восточных языков есть, в сущности говоря, порядочная химера, ибо язык в самом себе отнюдь не реальная величина, которую можно изучать тренировочным порядком. Поэтому, в 6. Восточном Институте г. Владивостока с самого же его основания — правда, как указывает проф. К., в замаскированном виде, — читался курс на тему о дальневосточной культуре, помогающий студентам высшего учебного заведения выйти из формального усвоения языка, как совокуп-

ности переводческих умений, в усвоение духовных основ, им движущих. Однако, подобная добавка к «практическому» курсу лишает его — может быть, лишь до известной степени, а может быть, и вовсе — «практического» характера и сильно приближает его к филологии. Необходимость сознательного усвоения восточных языков оспаривать, вероятно, не будет никто, и потому появление лекций проф. К. в печатном виде, делающем их доступными всем учащимся дальневосточным языкам, можно только приветствовать.

Тем более нужно это сделать, что сами лекции, по их прочтении человеком, который сам читает такой же курс, оказываются весьма интересными, достаточно полными и написанными легким, отчетливо определенным и удобоусвояемым языком.

На ничтожном сравнительно пространстве 120 страниц проф. К. касается весьма многочисленных вопросов, поставленных современной синологией, в курсе которой он, несомненно, стоит. Здесь и источники курса, и обзор вещественных, эпиграфических и литературных памятников, и археологические теории, и специальное прослеживание процесса зарождения и развития китайской культуры в ее факторах: территории, населения и власти.

Таким образом, перед нами первый оригинальный на русском языке курс лекций по китайской культуре, который, при усиливающемся интересе к Востоку со стороны некитаистов, сослужит нам большую службу. Как учебник, это пособие пока незаменимо, и единственно, чего можно было бы пожелать для дальнейшего издания, — это, во первых, несколько лучшее соответствие боковых заголовков содержанию; во вторых, несколько лучшую постановку вопроса о «треножниках и колоколах», каждающегося нам слишком экзотическим; а главное, — пересмотра всей эпиграфической и литературной частей (оценка Конфуция и др.), страдающих некоторой шаблонностью и большими неточностями.

Но и в этом виде «Лекции» вполне приемлемы, как учебник, и можно от всей души поблагодарить их составителя за этот подарок нам в такое трудное для учебников время и пожелать скорейшего выхода его и уже сданным в печать учебникам по географии и истории Дальнего Востока, оповещение о которых находим на обложке этих «Лекций».

В. А.

— *Г. Ибрагимов.* «Из истории движения татарских студентов». Казань. 1922. 16-е.

Автор вспоминает «трагикомическую» страничку из годов студенчества в Киве (1912 — 1913 гг.). Через уфимских товарищей он вошел в студенческую среду, интересовавшуюся политическими вопросами.

Тенские события дали толчок образованию мусульманского землячества, преимущественно из уроженцев Кавказа (всего было до 70 членов). У землячества были и богатые средства (до 10 тысяч рублей), но оно было бездеятельно, и скоро возникла мысль о создании организационной комиссии — ячейки, которая веда бы из «подполья» политическую пропаганду. Комиссия задумала устроить съезд, на который должны были быть приглашены революционно-настроенные мусульманские студенты со всей России. Программа намечалась исключительно политическая; вопросы культурно-просветительные, по настоянию Г. Ибрагимова, были отброшены. Предварительно же в Киеве назначен был (на 1913 год) подготовительный съезд, но один из участников во время каникул на родине (в Уфе) проговорился, и когда молодежь съехалась весной, — неожиданно были произведены аресты, и весь состав организационной комиссии попал в тюрьму, где просидел более 2-х месяцев. Сперва администрация хотела было раздуть «киевское движение», но дело было ликвидировано; с одной стороны, одержала верх традиционная точка зрения на лояльность татар, с другой, помогло также заступничество влиятельных мусульман (депутатов Государственной Думы и др.). В эпизоде Г. Ибрагимов говорит о дальнейшей деятельности участников тайного съезда.

Вл. Гордлевский

— *Солбонэ туя* (П. Д.). Цветостень в. Стихи. Издание Бурманавтупра. Чита, 1922. 64 стр.

Это маленькая книжка стихов, принадлежащих бурятскому писателю, укравшемуся под псевдонимом «Солбонэ туя» (Луч денницы); только проставленные рядом инициалы позволяют отгадать в нем небезызвестного деятеля бурятских степей Петра Данбинова.

В книге только псевдоним звучит бурятски, в остальном автор пользуется русским языком, хотя и посвящает свой сборник бурятскому народу. «Эту свою скромную дань», пишет он — «первую мою книгу стихов посвящаю моему родному бурят-монгольскому народу с его любимой матерью — цветостенью». Соответственно этому 20 стихотворений (из общего количества 24) имеют близкие бурятам темы: степь (таких большинство), Байкал, Ангара, смерть бурятского деятеля М. Н. Богданова, автономия.

Степь — наиболее любимый сюжет для поэта, вышедшего из народа номадов; степи — с ее простором, широтой, бесконечной далью, привольем и простотой — посвящены наиболее прочувствованные стихи. Но способ трактовки этих тем — чисто европейский. Даже такие выражения, как: «степься, степься, степь родная» или «юрты юрятся в степи» только филологу-монго-

листу напомнит особенность бурятского языка, отмеченную в работе А. Д. Руднева «Хори-бурятский говор». Бурятская народная поэзия с ее богатыми лирикой и эпосом не нашли здесь своего отражения.

«Солбонэ туя», видимо, горячо любит свой народ и родные ему степи. Быть может, эта любовь подскажет автору для следующего сборника и близкие его народу формы изложения. Бурятская национальная литература наших дней ограничивается пока лишь утилитарной прозой; настоящих писателей, а тем более поэтов, мы в ней еще не видим. Выступление Солбонэ туя, однако, показывает, что среди бурят имеются люди, чувствующие себя поэтами. Можно поэтому надеяться, что отмеченный пробел будет восполнен, и у них скоро появится и изящная литература.

Вл. Котвиц

Об одном стихе Лермонтова.

Среди последних набросков Лермонтова, в его записной книжке, подаренной ему кн. В. Ф. Одоевским за четыре месяца до кончины поэта и ныне хранящейся в Публичной Библиотеке, есть четыре карандашные строчки, которые читаются так:

Лилейной рукой поправила
Едва пробивший ус,
Краснея как дева младая,
Капгар молодой туксус...

Правильное чтение установилось не сразу (четверостишие печатается начиная с 1844 г., когда появилось впервые в «Отечественных Записках»), но особенно смущал и продолжает смущать редакторов собраний сочинений Лермонтова последний стих. Так С. С. Дудышкин в своих изданиях 1860 г. (I, 424) и 1863 г. (II 481) читал его, отказываясь от передачи последнего слова...

Капгар молодой...

А. Н. Пыпин (1873 г., I, 375):

Капгар молодой туксус.

П. А. Висковатов (1889 г., I, 346).

Капгар, молодой туксус...

По запятой после «Капгар» можно догадываться, не думал ли Висковатов, что это собственное имя.

А. И. Введенский в издании А. Ф. Маркса (2-ое издан. I, 275):

Капгар молодой тундус...

В примечаниях (II, 363) Введенский сообщает, что, «по мнению проф. В. Д. Смирнова, печатавшиеся прежде слова «капгар» и «туксус» не имеют смысла, и Лермонтов, вероятно, написал (что и согласно с начертанием слов в рукописи, в книге Одоевского): «капгар» (кап-кара — очень черный) и «тундус» (тун-дус — очень гладкий)». Однако, приняв предложенное В. Д. Смир-